

Палладианство в России при Екатерине Великой и Александре I

Часть I

Юлия Ревзина, Дмитрий Швидковский

В статье* рассматривается роль палладианского наследия в архитектуре России второй половины XVIII – начала XIX века. Авторами прослеживаются пути проникновения и различные модели интерпретации наследия Палладио в архитектуре русского классицизма. Среди них: французская архитектурная традиция, испытавшая во второй половине XVIII века влияние Палладио (И.Е. Старов), приближение к подлинной античности с помощью интерпретации ее наследия в проектах Палладио (Ч. Камерон), диалог с итальянскими палладианцами (Дж. Кваренги), соединение практического интереса к Палладио с современным опытом французской архитектуры (Н.А. Львов). В работе впервые раскрывается роль наследия Палладио в преобразовании облика России в ансамблях Карла Росси и образцовых проектах и градостроительных решениях Уильяма Гесте.

Ключевые слова: архитектура классицизма, Андреа Палладио, палладианство, Чарльз Камерон, Джакомо Кваренги, Николай Львов, усадьба, градостроительство, Уильям Гесте.

Палладианство в России второй половины XVIII – первой трети XIX веков развивалось по историческому алгоритму, отличному от других стран Европы, и было тесно связано с историей страны и отношением государства к архитектуре¹. Политические, художественные и династические мечты Екатерины Великой, пришедшей к власти в 1762 году, были частью государственной утопии, в которой императрица видела будущее России. Архитектуры это касалось в полной мере, и она выражала представление государыни об идеальном облике страны. По воле императрицы были воплощены в жизнь разнообразные идеи европейской архитектуры эпохи Просвещения, включая те, что были вызваны к жизни увлеченностью наследием Андреа Палладио. Екатерина Великая воспитала своего внука, будущего императора Александра I, таким образом, чтобы он мог продолжить воплощение в жизнь ее замыслов; это во многом и произошло, по крайней мере в области архитектуры и градостроительства.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта «Прошлое и будущее классической архитектуры» (проект № 14-18-01601) в Московском архитектурном институте (государственной академии).

В течение 1760–1830-х годов архитектурный облик России решительно изменился: от малых форм и характера отдельных зданий до планировки городов и территориального планирования. Каждое начинание по преобразованию жизненной среды было связано с поиском наиболее современных методов «исполнения всякого дела» (как тогда говорили). А они, в свою очередь, – с обращением к опыту европейских стран, представлявших множество оттенков архитектурных вкусов. Этот разнообразный опыт, образцы и источники влияния выстраивались в ментальности деятелей русского Просвещения в систему, где палладианство быстро заняло одно из ведущих мест.

Палладианство впервые появилось в русской архитектурной практике в контексте зарождения культуры пейзажного парка в императорских резиденциях. Образцы парков и их сооружений были заимствованы из Англии через Германию. Причем заимствованы были не только принципы подражания природе, но и палитра садовых зданий, в том числе палладианских. Вторым этапом стало распространение моделей палладианских вилл в ходе бурного развития усадебного строительства в России. Тогда по всей стране в течение полувека появились десятки тысяч новых загородных дворянских жилищ – после введения в действие императорского указа «О вольности дворянской», предоставлявшего дворянам право не исполнять государственную службу и, при желании, жить в своих поместьях. Большинство усадебных домов обладало чертами, связанными с наследием Палладио. Третий этап, начавшийся в середине 1780-х годов и продолжавшийся до 1830-х, характеризовался распространением идей мастера из Виченцы на русский город и его застройку. Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы разработала регулярные планы для всех административных центров России. В старой и новой столицах стало появляться все больше палладианских зданий. На четвертом этапе своего развития в России, уже в XIX веке, русское палладианство приняло всеобъемлющий, можно даже сказать, тоталитарный оттенок. Тогда в России было завершено генеральное межевание, изменившее систему территориальных отношений в империи, и воплотилось в жизнь взаимодействие между архитектурой и ландшафтом, связанное с влиянием палладианских идей. Одновременно была введена в действие гигантская по своему масштабу и удивительная в своей подробности система образцового проектирования, охватившая все без исключения типы зданий – церкви, жилые дома, административные и торговые комплексы, тюрьмы, а также разнообразные сооружения, мосты, ограды, ворота и т.д. Кроме того, образцовые проекты были созданы для устройства площадей, разбивки кварталов и городских садов. Иными словами, палладианство коснулось всех элементов пространственной среды России в целом. Проектирование среды велось целым рядом русских, шотландских, итальянских, швейцарских архитекторов. Большинство из них были верными послед-

дователями Андреа Палладио, хотя в их творчестве и проявлялись различные оттенки интерпретаций идей великого мастера.

Параллельно с этим процессом русскую архитектуру эпохи классицизма постоянно накрывали волны французских влияний, разные – в соответствии с происходившими во французской архитектуре переменами. В 1760–1770-х годах это было воздействие школы Жака Франсуа Блонделя – через участие в основании Российской Академии художеств его ученика и родственника Жана Батиста Вален де ла Мота и организации им архитектурного образования в Петербурге. В это время большую роль сыграли французские методы в создании регулярных планов городов. В 1790–1820-х годах проявилось и другое, отчетливо французское, явление – мегаломания в духе проектов, выдвигавшихся на Римские премии французской Академии архитектуры², которой увлекались и многие русские зодчие эпохи Александра I, в частности Андриан Дмитриевич Захаров, ученик Шальгрена. На всех этапах восприятия французских моделей российскими зодчими можно увидеть их интерес к французской интерпретации идей Андреа Палладио. Такова, как нам представляется, общая схема развития русского палладианства в течение 1760–1830-х годов.

Отметим особенности названных выше явлений. На рубеже 1760-х и 1770-х годов Россию настигло увлечение пейзажными парками. Екатерина Великая писала своим многочисленным европейским корреспондентам, что она полюбила (*a la follie*) сады в английском духе с их кривыми линиями, озерами и извиляющимися дорожками³. Она направила в Англию архитекторов своей главной загородной резиденции в Царском Селе трех Нееловых – отца Василия и его сыновей Илью и Петра⁴. Одновременно были приглашены за огромные деньги британские садовники, первыми из них были Джозеф Буш, работавший в Царском Селе, и Джеймс Медерс – в Петергофе⁵. Они создали в этих двух главных императорских резиденциях пейзажные сады. Здесь же появились первые палладианские постройки, самой ранней из них был Палладиев мостик в Царском Селе, построенный по образцу подобного сооружения в усадьбе Уилтон, который, в свою очередь, подражал чертежу Палладио из главы XIII его Третьей книги⁶. Важно отметить, что в этом, раннем, случае палладианство выступало в форме одного варианта из множества, то есть из целой палитры «вкусов» (*tastes*) архитектуры, предназначенной для украшения садов – построек в стиле готики, шинуазри, тюркери, появившихся в то же время в Царском Селе и других императорских резиденциях и основанных на различных европейских источниках – английских «садовых» увражах, французских гравюрах, сведениях, передававшихся Екатерине Великой ее германскими родственниками.

К концу 1770-х годов русская архитектура менялась: французские влияния ослабевали, зато набирало силу увлечение археологически точными образами античности. Так что апелляция к наследию Палладио была для императрицы чем-то вроде «спрямления» пути к живому наследию ан-

Ил. 1. Титульный лист и фронтиспис издания
 “The Baths of the Romans Explained and Illustrated...
 By Charles Cameron, Architect”. London, 1772

тичности. В 1778 году Екатерина Великая писала барону Фридриху Мельхиору фон Гримму, что она «хотела бы двух итальянцев <...> здесь у нас есть французы, которые слишком много знают и строят дрянные дома...»⁷. Требование прислать итальянцев означало желание найти архитекторов, хорошо знакомых с памятниками античного Рима в силу рождения или в результате долгих лет, проведенных в Вечном городе. Судьба судила так, что в российскую архитектуру в тот момент пришли мастера, смотревшие на римскую античность сквозь призму ее изучения и интерпретации Палладио. И это не было случайным, потому как в тот период именно палладианское наследие, включая его прочтение в британской архитектурной культуре, играло ведущую роль в развитии европейского неоклассицизма. Первым из мастеров нового поколения, пришедших в русское зодчество на рубеже 1770-х и 1780-х годов, оказался уроженец Лондона Чарльз Камерон. Вскоре после него в Петербурге появились итальянцы Джакомо Кваренги и Джакомо Тромбара.

Что касается французской традиции, то императрица не стремилась полностью порвать с ней, особенно с ее римскими корнями, которые для нее представлял Шарль Луи Клериссо⁸. В то же время во французской архитектуре последней трети XVIII столетия появился бóльший, по сравнению с предшествующими десятилетиями, интерес к наследию Палладио, вызванный не в последнюю очередь выходом многотомного издания «Четыре книги об архитектуре», подготовленного Оттавио Бертоцци Скамощи с текстом на итальянском и французском языках, которое получило большую известность⁹. Тогда французские постройки и, в еще большей степени, теоретические штудии и конкурсные проекты стали источником палладианских мотивов и композиций (компактный кубообразный объем, акцентированный портиком и увенчанный куполом, протяженные колоннады и др.) в проектах российских архитекторов. Отголосок палладианской архитектуры в его французской интерпретации можно, в частности, обнаружить в проектах Ивана Егоровича Старова и Василия Ивановича Баженова, учившихся у Шарля де Вайи¹⁰.

Таким образом, палладианская версия античного наследия проникала в Россию одновременно несколькими путями. Кваренги представлял итальянскую традицию, Клериссо – французскую школу в Риме, его со-

отечественники – французскую архитектурную теорию, в которой Палладио отводилась роль блюстителя «строгости вкуса», Камерон представлял британскую школу, точнее, выступал в качестве «римского шотландца» из числа приверженцев претендента на британский престол принца Чарльза Стюарта, жившего в Риме. К этому следует добавить тесные связи императрицы с немецкими знатоками античности и антикварами, «наследниками» недавно умершего Винкельмана – Иоганном Тишбейном и Фридрихом Рейффенштейном. Если свести воедино все перечисленные источники, то в их переплетении возникнет сложная картина формирования палладианства в екатерининском классицизме.

Чарльз Камерон представлял британское палладианство «второго поколения»¹¹, смешанное с антикизирующим декором в стиле братьев Адам. Камерон был непосредственным «наследником» того направления в британском палладианстве, которое, начиная с Иниго Джонса, изучало античные источники Палладио. Он был учеником крупного строительного деятеля и незаурядного теоретика архитектуры Исаака Уэйра¹². Этот зодчий середины XVIII века продолжил работу лорда Берлингтона над публикацией обмеров римских терм Палладио, но не довел ее до конца¹³. Рабо-

Ил. 2. Чарльз Камерон. Холодные бани в Царском Селе. 1779

Ил. 3. Чарльз Камерон. Бани и галерея в Царском Селе. 1784

